

Станислав ЛЕМ: ✓ «Мне казалось, что это произойдет не скоро— за хребтом столетия»

В рабочем кабинете польского писателя Станислава Лема стеллажи с книгами до потолка — литература по физике, биологии, медицине, кибернетике... На письменном столе пачки корреспонденции — письма не только от польских, но и зарубежных почитателей его таланта: научно-фантастические романы Станислава Лема переведены на двадцать языков мира.

Глубина его книг поистине удивительна, в них идет речь о самых различных отраслях человеческих знаний и чаще всего очень далеких от медицины: Станислав Лем по образованию врач. В предновогодней встрече с польским писателем наш специальный корреспондент А. Чирков попросил ответить Станислава Лема на некоторые вопросы, интересующие читателей «Советской России».

— Когда и под каким влиянием вы начали писать научно-фантастические романы?

— Мне кажется, что это было так давно — подробно и вспомнить трудно. Но главное — я очень любил читать Жюль Верна, Герберта Уэлса, Алексея Толстого. Первая моя книга «Астронавты» родилась неожиданно для меня самого. Она и была, несомненно, тем импульсом, после которого уже не мог не писать. Было это более двадцати лет назад, и писал я тогда так, как ребенок учится говорить, шагать. Да и фантастика моя была совсем другой: в первых книгах куда больше фантазии, чем научного предвидения.

Потом, уже значительно позже, встречаясь с советскими космонавтами я рассказывал им, что сам, хоть и писал о космосе, никогда не верил в возможность пожать руку космонавту. Не думал, что лично доживу до того фантастического будущего, о котором писал в своих книгах. Все казалось: это произойдет не скоро — за хребтом столетия.

Бурное развитие науки и техники, огромные изменения в связи с этим в нашей жизни заставили буквально на ходу изменить и стиль, и метод всей моей работы. Трудно даже поверить, что первые и последние мои научно-фантастические книги написаны одним и тем же человеком. Да, я врач по образованию, но самостоятельно изучил социологию, астронавтику, теорию информации, антропологию и другие науки.

— Прежде чем посвятить себя какому-то избранному делу, вероятно, каждый человек видит именно в нем большой общественный смысл, возможность влиять на людские судьбы. Какие функции, с вашей точки зрения, должна выполнять научно-фантастическая литература?

— По-моему, их много, и они очень разные. Во-первых, познавательные — научная фантастика должна приближать читателя к основам научного мировоззрения, учить умению смотреть в будущее. Во-вторых, воспитательные и общественные функции. Ведь в научно-фантастическом жанре можно писать все, начиная со сказок и кончая нравоучительными рассказами, гротеском и сатирой.

Конечно, для чтения многих произведений, и не только научно-фантастических, необходима определенная подготовленность. Мне кажется: писатель вправе требовать от читателей, чтобы они «потрудились» при знакомстве с его книгами. Разумеется, я это еще раз повторяю, книги должны заслуживать вложенный читателем труд.

— Какое впечатление произвели на вас реальные полеты в космос — ведь вы в своих романах заселили космическое пространство значительно раньше?

— Завоевание космоса потрясло меня, как и то, что я наяву смог встретиться с космонавтами. Вот ведь какими семимильными шагами движется современная наука, как меняет наше представление обо всем. Я рассказываю с восторгом своему пятилетнему сыну о том, что на Луне сегодня работают советские и американские машины. А он мне совершенно невозмутимо отвечает: — А я знаю.

Для него это уже будничное событие.

Не скрою, освоение космоса создало для меня, как писателя-фантаста, дополнительные трудности. И в то же время это дало нам, если можно так выразиться, вторую космическую скорость. Прогресс науки сейчас настолько высок, что нет необходимости выдумывать темы для новых романов и повестей, она сама их подсказывает. Конечно, первая обязанность фантаста — знать по возможности, где самое главное направление в науке. Лично я не представляю себе научной фантастики, которая выходит из рамок человеческого познания. Если я скажем, не верю в телепатию, то и не пишу о ней: не верю в летающие тарелки — и о них не пишу. Это для меня закон.

— Трудно представить, чтобы человек, пишущий о таких сложных технических аппаратах и механизмах, сам не был причастен к технике, изобретательству. Так ли это на самом деле?

— Изобретений у меня нет, если не считать некоторых мелочей. Во время войны я жил в оккупированном фашистами Львове. И вынужден был работать на автобазе. Вот тут-то я изобрел приспособление, которое помогало машинам ломаться. Хитрость этого приспособления заключалась в том, что они выходили из строя отнюдь не в гараже. Так что заподозрить рабочих автобазы в этом было непросто.

— Какая из ваших книг вам дороже? И почему?

— Спросите у любой матери, который ребенок самый любимый? Вряд ли она ответит на этот вопрос. Так и мне очень трудно сделать выбор. Я написал около тридцати книг, среди них есть и не относящиеся к научной фантастике. Например, «Сумма технологий», написанная девять лет назад. Тогда еще не было таких наук, как футурология, прогностика, и не существовало людей, серьезно занимающихся проблемами будущего. И то, что «Сумма технологий» не устарела и может выходить новыми изданиями, меня радует. Что касается художественных произведений, то и критики и читатели отдают предпочтение «Кибериаде». Потому что в ней введены более новые приемы фантастики, много гротеска.

— И последний, всегда волнующий ваших читателей вопрос: над чем вы работаете сейчас и что намерены написать в ближайшем будущем?

— Заканчиваю роман «Мнимое величие». Это название взято из математики. В книге около ста двадцати страниц, но писал их с большим трудом. Несколько глав романа, к примеру, посвящены разговору ученых с электронным мозгом — громадиной в шесть этажей. Мне надо было оправдать его габариты наделить большим разумом, чтобы на вопросы ученых о проблемах очень отдаленного будущего он не отвечал глупо. Меня очень искушает желание создать роман с драматическим, а не с философским уклоном как я пишу обычно.